

Светлана Одинец*

НИЗКИЙ СТАРТ ДЛЯ ПРЫЖКА В ВЫСОТУ:

ИЗМЕНЕНИЕ ЖИЗНЕННЫХ ТРАЕКТОРИЙ И САМОИДЕНТИФИКАЦИЙ КВАЛИФИЦИРОВАННЫХ УКРАИНСКИХ МИГРАНТОК В ИТАЛИИ

The article discusses peculiarities of successful migration projects of the Ukrainian women who have attained substantial social achievements in a host country during the last decade. This specific group of migrants in the social structure of Ukrainian migration is explored for the first time in Ukraine. The author explores the features of “professionalization” of Ukrainian women’s migration at different stages of migration – at the time of departure, during the period preceding the legalization and in the period of active integration into a host society after obtaining proper legal status. The author broadens existing approaches to the concepts of professional migration and social self-identification. The author argues that migration of women with high level of social ambitions could be considered as their emancipation project.

Key words: feminization of migration, social self-identification, professional migration

Ukrainian women-in-move

Феминизация миграции является одним из наиболее характерных и интересных трендов нашего времени: с 1960-го до 2013-го года количество мигранток выросло на 3.3% (ИОМ 2013), и в миграционных потоках Север-Север¹ составляет большинство от общего числа мигрантов (ИОМ 2013:65). Какова природа этих перемещений, чем женщины-мигрантки отличаются от не-мигранток, как изменяются их идентичности и самоидентификации в процессе временных и постоянных миграций, каким образом мигрантки влияют на общества происхождения и назначения - эти вопросы являются актуальными сегодня для исследователей всего глобального мира. Все больше появляется исследований, в которых анализируются трансмиграционные опыты индианок в Новой Зеландии (Pio 2013), россиянок в Бельгии (Heuse 2011), филиппинок в Италии (Parreñas

2008). Особенно значительными в этой перспективе является исследование миграционных опытов женщин с типично патриархальных обществ, которые все чаще прибегают к автономным миграционным стратегиям, кардинально изменяющим их жизнь, и влияющим на трансформацию стран происхождения и назначения (Бредникова&Ткач 2010).

Украина, которая является самой большой страной Европы и 29-й страной мира, с населением около 46 млн. человек (SSCU 2011), вместе с Россией создает сегодня второй миграционный коридор после коридора США-Мексика (EU Neighbourhood Migration Report 2013: 269).

Теперешней четвертой волне миграции, которая началась сразу после распада СССР, предшествует еще три. Первая волна произошла более века тому, по причинам политической и этнической дискриминации украинцев властями Австро-Венгрии и России. Тогда в Бразилию, Парагвай выехало свыше 1 миллиона украинцев. Вторая миграционная волна произошла в межвоенный период - 1920-1939 годах, и также была спровоцирована политическими факторами. Около 170 тысяч украинцев покинули свои дома и переехали в Польшу, Чехословакию, Австрию, Германию. Наконец, третья волна произошла сразу после окончания Второй мировой войны и продолжалась до 1954 года: более 300 тысяч украинцев были вынуждены мигрировать в Канаду, США, Францию, Великобританию, чтобы сохранить собственную жизнь и здоровье.

Начиная с 1990-го года, из Украины - в Российскую Федерацию и страны ЕС выехало от 3.5 до 4.5 млн. украинцев (Markov et al 2009, Малиновская 2012). Причем, по результатам последнего украинского общенационального исследования, доля украинских мигранток выросла с 21% в 2001 году (Либанова 2002) до 34.3% в 2012 (Либанова 2013). В период с 2010 по 2012 год, 405 тыс. украинок хотя бы раз пересекли границу Украины с целью трудоустройства за рубежом (Либанова 2013). В категории долгосрочных мигрантов (более 12 месяцев), женщин почти в три раза больше, чем мужчин (Либанова 2013).

Но упомянутые национальные исследования не отражают реальных масштабов миграции из Украины, и уровня ее феминизации, поскольку не учитывают

мигрантов, выехавших с 1995-го до 2002 года, а, также, миграцию 2002-2005, 2008-2010 годов. Тогда, как именно на рубеже тысячелетий, произошла массовая волна украинской миграции в страны ЕС. Украинки мигрировали прежде всего в Италию и Польшу.

Исследование феномена украинской женской миграции начались только в середине 2000-х. В частности, Елена Федюк подготовила первую масштабную работу по транснациональным опытам украинок в Италии, где проанализировала разнообразные жизненные стратегии мигранток, влияние политических дискурсов на женскую миграцию и ключевые социальные стереотипы относительно мигранток (Fedyuk 2011). Среди других исследований украинской женской миграции - изучение изменения семейных ролей украинок в Польше и Греции под влиянием миграции (Володько 2011), жизненные стратегии украинок в Германии (Wirz 2010), модели реэмиграции украинок Италии в Украине (Vianello 2009), влияние миграции на изменение гендерного баланса семьи (Yarova 2006). Вне исследовательского поля оказались целые пласты “качественной” природы женской миграции – опыты транснационального материнства, изменения в рецепциях мигранток, трансформации их социальной субъектности - идентичностей и самоидентификаций, жизненных укладов etc.

Контекст исследования

Италия является третьей страной по количеству трудовых мигрантов из Украины², после Польши и России (Либанова 2013), и первой - по уровню женской миграции (ISTAT 2013). За период четырех официальных итальянских легализаций, количество легализованных украинцев увеличилась в два раза - с 114 тыс. до 223 тысяч человек, 176 тыс. из которых - женщины (Caritas 2002; 2012). Таким образом, украинское мигрантское сообщество является лидером среди всех остальных этнических групп Италии по количеству женщин-мигранток: 80% от всех украинцев, мигрировавших в эту страну. (ISTAT 2012). Украинок в Италии сегодня даже больше, чем филиппинок и бангладешек, чья миграция началась сразу после Второй мировой войны, и которые живут в Италии уже в третьем поколении.

Объектом этой публикации является изменение жизненных стратегий и социальных идентичностей украинских мигранток, которые, за время своего пребывания в Италии, получили высокий профессиональный и социальный статус. Речь идет о “первом поколении” мигранток, т.е. женщин, приехавших в Италию как “первопроходцы”, в страну, где никогда не было украинской диаспоры, как это было характерно для Канады, Бразилии, Аргентины etc. Особое внимание в публикации будет уделено “профессионализации” миграционной стратегии, то есть динамическому процессу, который начинался мигранткой с “минусового” социального уровня (без разрешения на работу, визы, без жилья) и в котором она, - за достаточно короткий промежуток времени (7 -12 лет), - развивала устойчивые модели интегрированной социальной жизни. Вхождение в страну происходило чаще без предварительных социальных связей, которые, однако, очень быстро и развивались в процессе миграции.

Анализируемые в этой статье мигрантки - восемь женщин, которые сегодня живут и работают во Флоренции, Риме, Падове. Эта группа была выделена из корпуса углубленных полуструктурированных интервью, собранных во время авторской этнографической экспедиции в Италию в 2012-2013 годах. Тогда было опрошено более 50 мигранток, в возрасте от 19 до 66 лет, разного социального статуса, типа занятости, мотивации миграции. Для анализа интервью применен метод обоснованной теории.

Мигрантки, которые являются объектом исследования, начинали в Италии с работы в домашнем секторе, но сегодня работают врачами, переводчицами, журналистками, политиками и занимают высокие социальные ниши, активно реализуются в общественной сфере. Их миграция в Италию состоялась между 1999 и 2005 годами. По региональному происхождению, большинство мигранток - из Западной Украины, но есть также женщины из Восточной и Центральной части страны. Часть мигранток - жительницы крупных городов (Львов, Донецк), другие проживали до миграции в провинциальных городках (Городок, Каменец-Подольский), или в деревнях на Волыни и Тернопольщине. Всех респонденток

можно условно отнести к среднему классу. На момент выезда им было от 21 до 42 лет, большинство женщин – возраста около тридцати. Все женщины имели высшее образование (некоторые - два), трое занимали руководящие должности. Сферы занятости в Украине - маркетинг, педагогика, медицина, банковское дело. У некоторых женщин были дети, возрастом 14-20 лет, или совсем маленькие, которые оставлялись на родителей мигрантки. Две женщины были замужем (в одном случае произошло воссоединение семьи - муж переехал в Италию следом за женой), другие были незамужними. Все женщины не только не планировали профессиональной миграции, но и в принципе не имели никакой продуманной миграционной стратегии.

Расширение дефиниций

Анализируя миграцию женщин, которые выезжали из Украины в статусе профессионалок, и которые “подтвердили” его в Италии, есть смысл говорить об профессиональной миграции, под которой подразумевается миграция высокообразованных и квалифицированных лиц, которые переезжают в другую страну с намерением занять примерно ту же социальную позицию, которую они занимали в своей стране (Рю 2004). Однако, “украинский кейс” заставляет переосмыслить, существующую в западной миграциологии, дефиницию профессиональной миграции. В первую очередь потому, что в эпоху глобального "care chain" (Lutz 2010) когда мигрантки из менее развитых стран заменяют в домашнем секторе женщин более развитых стран, открывая для них возможность профессионального роста - фактор образования и квалификации мигранток девальвируется, по крайней мере на начальном этапе миграции. Это, в частности, происходит с мигрантками из Украины, которые в конце девяностых- начале двухтысячных, во время массового сокращения и невыплат заработных плат, нелегально мигрировали в Италию, за считанные дни, “анулировали” свой социальный статус, и оказывались в сегменте низкоквалифицированных работниц, причем в семьях с более низким уровнем образования, чем у них самих. Таким образом, украинки, теряя свою социальную позицию и возможность для самореализации во время миграции, открывали ее

для итальянок. Большинство украинских мигранток до сих пор так и остается в этом низкоквалифицированном статусе, однако, часть женщин начинают развивать новые траектории, - подниматься на более высокие статусные позиции, расширять интерперсональные контакты. Таким образом, в определенной категории мигранток, на протяжении первого миграционного десятилетия, их социальный статус “скользил” между “нелегализированной квалифицированностью” и “легализированной неквалифицированностью”, причем ни легальность пребывания, ни, уровень квалификации, не были решающими. Ключевую роль в переходе от низкостатусных позиций в высокостатусные сыграло образование, социальные сети и индивидуальные личностные установки женщин, что будет более подробно рассмотрено дальше.

Однако, можно ли миграцию этой категории мигранток рассматривать в перспективе профессиональной миграции, если, с одной стороны, формально, мы наблюдаем переезд профессионалок из одной страны в другую, с занятием тех же позиций (или высших), что и в стране происхождения. А с другой, - это “возвращение” на позиции происходит не автоматически, по факту квалификации и диплома, а фактически создается “с нуля”, в новой стране, в течении 10 лет жизни. Очевидно, этот вопрос остается открытым для будущих исследований. Попробуем проследить за счет чего и как происходит это “возвращение” к собственному статусу в другой стране, и какую роль в этом процессе играют самоидентификации украинок.

Социальная самоидентификация здесь понимается как континуальная динамическая “перепрошивка” социального ядра индивидуума, моделей, форм его социальной жизни, которая может выражаться в изменении повседневных смыслов и практик, культурных взаимодействий, гендерных установок, религиозных “локусов”, профессиональных тактик, национальных (этнических) форм самовыражения, политических активностей, ценностей и структуры мировоззрения, социальных связей.

Социальная идентичность - как более статический феномен, по сравнению с самоидентификацией, - является продуктом самоидентификаций индивидуума и

определяется через связь с социальной группой. Это социальная “самость” индивида, социально отрефлексирующая матрица, через которую индивид формирует собственную субъектность - цели, установки, стереотипы, дискурсы, мотивации, практики, биографию. Социальная идентичность - это также кардинальное изменение самоидентификации себя в транснациональных (глобальных) пространствах, изменение социальных мотивов и практик, индивидуальных тактик и стратегий, в том числе и профессиональных, предусматривающий изменение среды общения и социальных сетей.

Решение о миграции и пересечение границы: латентные смыслы

Проблематизация причин, а также исследования контекстов выезда в этой группе мигранток являются особенно актуальными. Несмотря на то, что в современных исследованиях четвертая волна украинской миграции считается экономической, при детальном анализе предмиграционных жизненных обстоятельств, контекста непосредственного выезда и, артикулированных мигрантками причин, - этот подход теряет свою концептуальность, и предполагает переосмысление. Прежде всего потому, что экономический фактор в выездах мигрантов играет важную, но не исключительную роль, поскольку заработок денег является лишь механизмом для осуществления жизненных целей в процессе жизни и развития личности. Особенно это характерно для социально успешных женщин. Примечательно, что практически все мигрантки объясняют свой выезд экономическими причинами, но во многих интервью это выглядит дополнительной причиной. Объяснением этому может служить то, что причина миграции “для заработка” в контексте четвертой волны миграции является частью общественного миграционного дискурса в Украине. “Уехать, чтобы заработать” – публичная легитимизация “правильной” миграционной траектории, разрешенной обществом женщине, а особенно - матери, поскольку “заработок ради детей” является признаком “хорошего” материнства. При этом десятки латентных, слабо рефлексированных, почти невидимых причин женской миграции остаются вне поля зрения исследователей.

Несмотря на уникальность и индивидуальность предмиграционных настроений каждой женщины, а также влияние экономического фактора, при анализе интервью, удалось выделить несколько общих характеристик, которые ставят под сомнение тезис, активно присутствующий в украинском публичном и академическом дискурсе, о том, что вся миграция происходила только по причинам заработка.

В частности, это:

- *ощущение профессиональной нереализации*. Несмотря на высокие статусные профессиональные позиции в Украине, ни одна из мигранток не была в активном креативном процессе. При этом, для каждой из респонденток, профессиональные успехи, общественная и профессиональная самореализация были жизненными ценностями.

- *неудовлетворенность уровнем зарплаток*. Ни одна из женщин не сочла, что получает, адекватную ее квалификационному уровню, зарплату. Часть женщин имела задолженность по зарплате от 0,6 года до 1 года. Одновременно, финансовая ситуация не была центральной темой в нарративе об обстоятельствах выезда.

- *отсутствие четких планов и целей на будущее*

- *психологические ступор, отсутствие мотиваций, невидение возможностей изменений*

- *автономность личной жизни*: отсутствие партнера (в частности, после развода), или его фактическое неучастие в жизни респондентки; нежелание мигрантки создавать семью в ближайшее время

Респондентки не рассматривали и не организовали свой выезд как новую жизненную стратегию, не предусматривали ее последствий и развития. Чаще всего, миграция воспринималась как временный отъезд на несколько месяцев.

У молодых мигранток (до 35 лет), в случаях жизненной заикленности, нереализации, которая усиливалась экономическими проблемами, и, при

условии, что мигрантка активно рефлексировала это, миграция происходила, спонтанно, резко, “авантюрно”³:

*“(…) Моя должность, которую я занимала, ее больше не существовало. И мне предложили работу, гораздо менее оплачиваемую. И вовсе не перспективную. Я согласилась на эту должность, и на эту зарплату, потому что шансы в маленьком городке провинциальном - соглашаешься на то, что у тебя есть. И вот у меня какая-то **внутренняя обида** была на то, что восемь лет как-то ушли ни к чему. То есть тот прогресс профессиональный, который я сделала за восемь лет, что я достигла - это оказалась совсем никому не нужным, абсолютно не имело никакой ценности. **В плане финансовом больших проблем не было**, но и перспектив в росте так же никаких не было. Мне казалось, что я сижу в какой-то луже, в яме. И в этой рутине, в обыденности начинаю **погибать**. Буквально за два месяца до отъезда одна моя подружка предложила такую **авантюру**: давай съездим в Италию хотя бы на год, подзаработаем каких-то денег. И я неожиданно для самой себя согласилась” (Елена, 39 лет, сегодня - участница и соорганизатор культурных фестивалей, общественных украинских инициатив в Падове, мигрировала 9 лет назад)*

***“Я задыхалась.** Учительница в Горловке - этого я достигла, это была моя потолок, и это мне тридцати еще не было. Все ... так, как жизнь закончилась. Начиналась депрессия, малый город, ребенок на руках ... **Надо было вырываться**” (Ольга, 41 год, сегодня – помощница мэра Рима, мигрировала 13 лет назад)*

Гипотетически, такие внутренние мотивации характерны прежде всего для молодых образованных украинок, которые очень быстро достигают “потолка” в профессиональной деятельности, и для которых очень быстро сужается коридор социальных возможностей в Украине - через общественное давление, особенно тогда, когда у них нет семьи, детей. Но подобные опыты есть не только у молодых женщин.

Для большинства респонденток, на момент пересечения границы, миграция не была стратегией выхода из жизненной ситуации, а, скорее, рывком вперед,

преимущественно необдуманым, неорганизованным. Ситуация застоя, на общественном и индивидуальном уровнях, воспринималась как окончательная, объективная, такая, с которой можно только вырваться, но которую нельзя рационально изменить. К миграции не готовились заранее: выяснение способов выезда, языковые курсы, тщательный сбор информации, - все это, если и происходило, то очень поверхностно. Одним из объяснений непланирования миграции является то, что она происходит в ситуации психического “личностного оцепенения”, почти на иррациональном уровне.

Респондентки указывают на случайность этого события. Миграция в Италии не только не рассматривалась как жизненный долгосрочный (возможно, пожизненный) проект, но и, вообще, как план или продуманная инициатива.

“(...)Мысли не было об эмиграции, я вообще ... у меня особый выезд, Италия, у меня это первая возможность была поехать за границу ... посмотреть ... на экскурсию. Проблем у меня таких не было. Именно так произошло, как произошло. У меня не было планов оставаться в Италии. Я ехала туристическим автобусом, туристическая экскурсия без всяких. Но ... но, как говорят, это была авантюра”. (София, 37 лет, президентка Ассоциации украинок Италии в Риме, мигрировала 8 лет тому)

То, что в интервью было названо миграцией, на самом деле не было ее в момент выезда. Миграционным проектом этот выезд стал значительно позже, чаще - после легализации, то есть через 3-4 года после первого пересечения итальянской границы.

Особенностью респонденток является их склонность к постоянному саморефлексированию. Следовательно, ценностные конфликты здесь следует рассматривать под особым вниманием. Существенным толчком к миграции становится общее осознание униженности своей социальной ситуации, в том числе и экономической, когда зарплата не выплачивается в течение месяцев. Сильное, усложненное индивидуальными особенностями, переживание социальной несправедливости, неспособность решить ситуацию комплексно.

*“(…)**«Первый мой выезд мой за границу - был в 1999 году. Мне шесть месяцев не платят зарплаты в начальной школе города Тернополя. Моя мама - преподаватель начальных классов, и я, шесть месяцев не получаем зарплату. Конечно нормальный человек... Мне было стыдно об этом говорить. Я это итальянцам где-то рассказала через десять лет пребывания в Италии. Мне было стыдно! Поэтому что мне дали гнилую колбасу и мешок муки вместо заработанных денег. И я поняла, что я не хочу, чтобы мои дети жили так, как жила я”** (Наталья, 41 год, помощница адвоката в одной из самых престижных компаний Рима)*

Решение о миграции принимается радикально и в том случае, если у женщин есть дети. Их оставляют, как правило, на родителей в Украине. После обустройства в Италии и получения легального статуса, что занимает около 3-7 лет, дети часто забираются матерью в Италию.

Я была вынуждена, когда ребенку исполнилось три года, выйти на работу, у меня не было чем заплатить за садик! То есть человек с высшим образованием, факультет начальных классов и изобразительного искусства, которая ... Кому шесть месяцев не платят зарплаты в государственном учреждении и которой нечем прокормить четырехлетнего сына...» (Наталья, 41 год, помощница адвоката в одной из самых престижных компаний Рима)

Также неспособность брать взятки в насквозь коррумпированном социальном пространстве в отдельных случаях является “спусковым механизмом” в принятии решения о миграции.

«У меня двое детей, мы с мужем врачи, работали в районной больнице, я была даже начмедом. Но у меня сын поступал, мы нанимали репетиторов, поступал на международные отношения, но он не поступил. Я в долгах остаюсь. Подготовительное было платное, а зарплата - 28 долларов, а поскольку я не могу брать взятки, у меня был выбор - или едешь, или берешь взятки у людей. И тогда я все бросила, в 1999 году, потому что нужно отдавать долги. Муж хотел ехать, но я женщина - могла ухаживать, еще и с медицинским

образованием (Леся, 56 лет, врач и переводчица, Флоренция, мигрировала 12 лет тому)

Женщины после сорока лет мотивируют свой выезд целью заработать деньги на высшее образование детей. При этом, потребность их профессиональной реализации отступает на второй план, и толчком к миграции становятся сложные личные отношения с мужем, если мигрантка замужем. Решение о миграции в таких случаях принимается самостоятельно, или вместе с детьми.

*(...)Мне кажется, что в семье, где все нормально между мужчиной и женщиной, мысль о миграции возникает очень редко. В крайней ситуации. Такая ситуация возникает в семьях, где муж не приносит денег домой, или женщина не в состоянии заработать. Или просто **отношения никудашнее**. Что-то такое есть. Я работала в школе, у нас было очень много долгов, **не платили зарплату целый год. Год без зарплаты.** У меня не было чем кормить своих детей, надо было куда-то им поступать (..). Когда я уехала, старшей было 20 лет, муж домой зарплаты не приносил. Я оплачивала все сама (...) И вот мы с младшей дочерью, потому что старшая была замужем и жила в Донецке, **мы с моей дочкой решили, что я поеду.** Я боялась ехать, потому что практически ребенок оставался сам. Это была маленькая девочка, ее было страшно оставлять (Катерина, 44 года, мастер в ателье Ватикана, которое работает исключительно по заказам представителей высокой церковной иерархии, мигрировала 10 лет тому)*

Первичная адаптация: жизнь до легализации

Контекст - обстоятельства, уровень подготовки выезда мигранток в Италию - становятся условиями их первичной адаптации в Италии - условного периода от момента пересечения границы до получения удостоверения о легальном пребывании на территории Италии. На этом этапе прослеживаются первые различия в моделях адаптации женщин: нацеленность на интернальность или экстернальность поведенческих стратегий, замкнутость или открытость в социальных коммуникациях.

Общей чертой всех выездов периода 1999-2005 годов, является их неорганизованность, как уже вспоминалось раньше Женщины ехали даже без минимального знания итальянского, без разрешения на легальное трудоустройство, и, чаще всего, - без предложений трудоустройства от итальянских работодателей. Украинки перекладывают решение этих вопросов на плечи посредников⁴, которые делают им паспорт и визу, перевозят в Италию и даже ищут первую работу. Качество услуг, как и безопасность здоровья и жизни, во время пересечения грани посредники не гарантировали. Гипотетически, такая несамостоятельность в подготовке путешествия обусловлена общим “коллективным опытом” массовых миграций, характерным для того периода. Украинки не готовились заранее и потому что “все как-то ехали, и справлялись”⁵. Такой подход характерен и для очень образованных женщин. Существование универсального представления о миграции, коллективного знания о выезде, пребывания, возвращения, компенсировало отсутствие собственного опыта, уменьшало внутреннее психологическое давление мигрантки. Опыт других также усиливал склонность к иррациональному снятию личной ответственности, перекладыванию его на других, заменял потребность самостоятельно готовиться, учить язык и законы. В объяснении собственных стратегий женщины часто опираются на те выводы, которые уже проговорены другими до них, и которые, в целом, постоянно проговариваются в средах общения украинских мигрантов.

Начальный период пребывания в Италии длится около двух лет и характеризуется сложными условиями пребывания. Украинки въезжали на территорию легально, как туристки, но уже через несколько дней после окончания туристической визы, оказывались в нелегальном статусе. Трудоустройство – преимущественно, в домашнем секторе, круглосуточно, с больными пожилыми людьми, часто без выходных и с очень ограниченными социальными контактами. Значительно реже женщины находили работу в баре или ресторане, и только с помощью собственных социальных сетей. Эти первые работы украинок начинались с Юга Италии, часто на островах, где отношение к незадокументированным мигрантам из стороны полиции более снисходительное,

чем на Севере. Однако, уровень безопасности, возможности защитить себя на Юге, также существенно меньше.

Если женщина сразу после приезда получала работу (через агентства по трудоустройству или с помощью друзей, знакомых), то могла рассчитывать на жилье и питание в доме, где она начинала работать, но ее психическое состояние часто продолжало ухудшаться, причем без возможности получить помощь.

“ (...)Оказалось, что я должна была ехать на Сицилию, у меня все оборвалось внутри. Итальянцы, когда я рассказываю эту историю, за голову хватаются. Я должна была плыть на катере на остров, а мне дали только номер телефона работодателей, но куда позвоню, если я не знаю итальянского. Первая моя работа - дедушка, больной болезнью Альцгеймера. Я должна была делать все – быть за кухарку, и за медсестру, ходила со словарем и учила каждое слово. Я не знала язык, но понимала болезнь, ведь я врач. У меня не было никаких выходных, мои хозяева говорили мне, что здесь с Украины никого нет. Звонить домой было очень дорого, два часа в день только можно было пойти на море. Как-то у одной женщины на острове увидела золотые зубы - и поняла: все, наша. Я начала ходить и искать ее, и нашла. Одна была из Щирца, Львовской области, а ее двое подруг - со Львова. Как мы все обрадовались” (Леся, 56 лет, врач и переводчица).

В случаях психического и физического недомогания, нарушения прав, в частности, насилия, у женщин не было возможности обратиться в полицию или в больницу, так как это угрожало им мгновенной депортацией.

Однажды мою руки деду, а он разворачивается - и как ударит меня. И это было для меня последней каплей. Через некоторое время я оставила его, и переехала на новую работу, которую мне нашла моя подруга, родом из Ровенской области (Леся, 56 лет, врач и переводчица).

У мигранток не было никаких сбережений на случай потери первой работы. Большинство выезжали в долг, который надо было срочно возвращать. Большинство женщин в этот период были психологически парализованы, чувствовали сильный стыд, депрессию, уныние.

*“(….)Тожже год первый был очень тяжелый, вы себе не представляете через что проходит человек, когда приезжает. Бывает друзья ждут, работу найдут, но у меня так не было(…). Было **3 тысячи долларов долга**, надо было спать, есть, год без работы, на каких-то подменах. Но Бог есть на небе, я попала в очень хорошую семью, через год, где меня уважали, это была семья адмирала”*
(Катерина, 44 года, швея в известном ателье Ватикана)

У большинства мигранток, если они не начинали работать сразу после своего приезда, адаптация в Италии была еще более сложной. Однако, в исследуемой группе, большинство респонденток могли рассчитывать на поддержку друзей или родственников, которые уже работали в Италии. Они искали работу на центральных площадях или в парках - общеизвестных местах встреч украинцев в Италии.

“(….)Я попала в очень хорошую семью, были хорошие отношения, ко мне относились хорошо, то есть я не почувствовала себя в униженном положении абсолютно. И потом я нашла вторую работу, тоже мне одна женщина помогла. (….) С той работы дедушка у меня был, очень хороший человек. Таких нет. Позже его забрали дети к себе и я буквально за месяц нашла другую работу эту, где сейчас. Так что я не имела каких-то больших перемен, как наши женщины бедные, никаются с одной квартиры на другую квартиру, не знают где им жить и что им есть. У меня как-то , слава Богу , как-то было все гладко”
(Елена, 39 лет, Падова)

В этой группе не было ни одной респондентки, которой пришлось обратиться в харитативный центр “Каритас-Италия”, куда женщины шли в случаях полного изнеможения, для поддержки базовых физических ресурсов - еды и сна. Однако эти опыты известны многим украинкам. Частичной альтернативой во времени безработицы для них была лишь работа “на подмене” - вместо других украинок на время их отпуска или поездки в Украину.

Степень речевого взаимодействия с итальянцами в начале миграции была практически нулевой, потому что респондентки не ставили перед собой целей выучить итальянский в Украине, интегрироваться в итальянскую среду.

Основное общение, на первых порах, происходило с украинцами на площадях и парках в Италии, или с родственниками, если те были открытыми к общению. Однако, со временем, основной характеристикой этой группы становится интенсивная направленность на расширение своих социальных связей за пределами украинских сообществ, а также поиск соответствующей (новой) референтной группы. Поэтому изучение итальянского и коммуникация с итальянцами довольно быстро становится актуальной для мигранток: через эти контакты они начинают быстро развивать свои индивидуальные интеграционные тактики.

*“Я общалась с украинцами... первые полгода это, пожалуй, была такая ограниченность в общении, потому что это были случайные люди, то есть это не то что я их выбирала. Круг такое было очень узок - это были женщины старшего возраста, которые тоже работали с дедушками и бабушками, которые собирались только вот в субботу или в воскресенье где-то в парке. Первые полгода это было где-то так. Меня это очень давило. То, что когда я увидела первый месяц моего пребывания, когда почти ... есть работы не было, я была в том парке - ходили как на службу, вот, я себе дала слово, что когда я найду работу, я сюда больше никогда не пойду. Я не хочу видеть этих людей, я не хочу с ними общаться, я не хочу слышать их проблемы, потому что у меня достаточно своих. Я хочу **вырваться из этого круга**. Я их не хочу, я не буду, все. Вот и когда после полугода, я уже сама искала людей. Это были как украинцы, так и молдаване, у меня были такие вот две группы этнические, они и до сих пор, мы общаемся с этими людьми. С итальянцами было меньше общения. С итальянцами такое более общение началось после примерно 3 лет, когда говорила уже свободно на итальянском” (Елена, 39 лет, Падова)*

Для большинства мигранток социальные взаимодействия выстраивались на основе близости взглядов и общих ценностей. Фактор иноэтничности в личном общении не являлся для них приоритетным и однозначно положительным. Напротив, часто респондентки указывают на непорядочность именно соотечественников в сложных ситуациях. Некоторые респондентки

поддерживают тесные контакты с украинским сообществом при церквях - Украинской греко-католической церкви, Украинской православной церкви Киевского Патриархата, Украинской православной церкви Московского Патриархата, другие - нет, но все сознательно расширяют среды коммуникации максимально возможными способами.

*“Мои друзья - иракцы, арабы, итальянцы. Украинцы есть, но очень мало. Наши люди тяжелые, и в трудную минуту мало кто подаст тебе руку. Я не знаю почему мне **работу находили иностранцы, а украинцы продавали работу, за триста евро,** и обманывали. Завозит меня наша женщина на место, я языка не знаю, а там, оказывается, работу надо только на 2 недели”. (Катерина, 44 года, Рим)*

*“Меня приютила моя подруга, конечно. Она, через несколько месяцев вернулась домой, а я, до сегодняшнего дня, здесь. На то время (2000-й год – С.О.) еще не было много эмигрантов из Украины. Например, вот здесь, на Таворе (центральная часть Рима), мне встречались люди, и спрашивали, как вы здесь остались, каким образом. Потом они находили работу. Мне, правда, **украинцы, находили работу за деньги** (смех). Да, у меня была такая работа, что я заплатила тех триста пятьдесят долларов за работу, а имела зарплату двести пятьдесят долларов” (София, 37 лет, Рим)*

Важную роль в первичной адаптации играл также и возрастной фактор, прежде всего - в формирование своей среды общения: по сравнению с другими этническими группами, молодые украинки мигрируют меньше.

Мне легче было, приятнее общаться с молдаванами - они были моего возраста. В нашей среде украинской очень нелегко найти молодежь, или это ребята которые гораздо моложе меня, кто уже приехал с родителями Я им не интересна как личность, я их понимаю. А молдаване - они моего возраста. То есть мне уже было интересно. Это были девушки и парни, которые окончили университет в Кишиневе, или здесь учатся. То есть это уже был другой уровень (Елена, 39 лет, Падова)

Период первичной адаптации практически всех мигранток этого периода, независимо от образования и социального уровня в Украине является достаточно сложным. Прежде всего из-за неурегулированного статуса, что влияло на психическое здоровье. Среди женщин с высоким уровнем образования, жительниц крупных городов, адаптация происходит в более мягкой форме.

Таким образом, миграция, которая задумывается как короткий проект (“заработать и вернуться”) перерастает в долгосрочную, в частности, из-за отсутствия документов для возвращения домой, т.е. из-за неурегулированного статуса. Период нелегальности тормозит темпы адаптации в итальянское общество, но также является фактическим началом долгосрочной, а позже - окончательной миграции в Италию. Физическая многолетняя невозможность вернуться домой ускоряет начало новой жизни в другой стране на годы и десятилетия, хотя это не обязательно рефлексивируется мигрантками.

Способы использования финансовых капиталов в этой группе, по сравнению с тем, как это происходит у низкоквалифицированных мигранток, отличаются, прежде всего, тем, что эти женщины гораздо активнее вкладывают средства в свою жизнь в Италии (в первую очередь - в образование), чем в содержание родителей и детей в Украине. Мигрантки, у которых есть семья в Украине, - перевозят ее в Италию, или создают такую модель поддержки, при которой только часть их средств пересылается в Украину, а основная часть заработка вкладывается в личные потребности. Модели интеграции зависят частично от возраста⁶.

Интеграция: после permesso di soggiorno⁷

В первые годы пребывания в Италии, и, особенно, после легализации, мигрантки продолжают развивать модели эффективного вхождения в итальянское общество, и здесь можно выделить три типичных для всех мигранток, этапа: “приспособление” (1), “воспроизведение” (2), “автономное развитие” (3). Первые два предусматривают тесное взаимодействие со средой, в котором оказываются мигрантки, и от которого они зависимы, на третьем - они сами начинают создавать собственное социальное пространство для самореализации.

На первом этапе, который часто совпадает с первичной адаптацией, мигрантки работают на низкоквалифицированных работах, из которых, однако, уже оплачивают свое обучение в Италии. Их рабочий день продолжается почти 18-часов, они арендуют крошечные помещения, или просто кровать в комнате с другими мигрантками. Общаются с ограниченным кругом случайных украинцев, однако, уже начинают интенсивное изучение итальянского языка.

Второй этап характеризуется постепенным расширением контактов, связей, продолжением обучения, поиском работы вне домашнего сектора, аренда отдельного жилья. Одновременно мигрантки сохраняют устойчивые связи и практики общения в иноэтнической среде. На этом этапе большое значение играет предыдущая “украинская” квалификация, а также открытость к общению с итальянцами. Если мигрантке удастся завязать какие-то контакты на высших социальных уровнях (например, с владельцем арендованного помещения или в семье, если женщина работает сиделкой), и получить возможность короткой стажировки в квалифицированной сфере (помощница менеджера etc), т.е. продемонстрировать свои профессиональные навыки, то это часто заканчивается подписанием трудового контракта. Этот начальный социальный протекторат со стороны итальянцев играет функцию “ключа” в среде, в которой мигрантки получают новые возможности самореализации. При этом отсутствие профильного образования сначала компенсируется общим высоким образовательным уровнем, полученным в Украине, а позже – мигрантки начинают учиться и получают итальянский диплом.

“Я не имела юридического диплома, я педагог по образованию. Владелец мансарды, которую я снимала , спросил: “что ты закончила? почему ты с экономистами говоришь на уровне?” Я говорю: “первая школа Тернополя, физмат”. Просто я умею считать. Итальянцам вообще тяжело считать. После этого я получила несколько дипломов, и уже десять лет в адвокатской конторе, но все началось с общей эрудиции” (Наталья, 43 года, помощница адвоката в одной из самых престижных компаний Рима)

“В этом ателье, где я сейчас работаю, оно очень известно, ему 200 лет, и я первая иностранка, которую вообще взяли на работу. Там иностранцы никогда не работали. Это благодаря тому, что мой хозяин, за которым я ухаживала, попросил своего друга. Меня взяли без документов, под носом карабинеров (полиции – С.О), я работала нелегально. И он всегда мне говорил: “когда дам тебе гудок, то беги через черный ход”. Через связи свои они сделали мне документы, у них связи колоссальные, они вышли на итальянское посольство в Киеве. И тогда я сделала годовую визу немедленно. Я вернулась обратно уже с годовой визой, и после этого в Италии получила легализацию” (Катерина, 44 года, Рим)

Иногда квалификация мигрантки оказывается даже выше, чем у ее работодателей, как это произошло в случае Валентины, поскольку итальянское образование в швейном производстве более акцентировано на практике, тогда как советское образование предполагало и высокий уровень теоретических знаний. Со временем, это позволило респондентке открыть даже собственное швейное ателье в Риме. Характерно, что Валентина не видит особой заслуги в своей успешной миграционной стратегии, считая это счастливым случаем и успехом.

Наконец, на третьем этапе, мигрантки, которые уже, в основном, обладают новым итальянским или нострифицированным украинским дипломом (что бывает значительно реже), и работают в новой сфере, начинают самостоятельные социальные проекты - создают организации, сети для помощи другим. При этом, они необязательно получают признание в профессиональных кругах общества пребывания, но это не является для них целью.

Достигнув относительной стабильности, заняв новую социальную позицию и сменив тип занятости, украинки продолжают быть активными транснациональными агентами. Они работают для поддержки своей семьи в Украине, помогая им, прежде всего, финансово. Это довольно типичная модель для многих, даже очень успешных украинок в Италии: связи с Украиной остаются прочными, как и чувства вины/обязанности, в котором признаются

многие из них. Украинки, которые имеют хорошее гуманитарное образование, иногда становятся помощницами итальянских ученых, занимающихся Восточной Европой. Они помогают с переводом и организацией контактов в Украине. В этой группе, одна из мигранток, врач по образованию, полностью переориентировала исследования итальянского историка, который практически ничего не знал об истории украинского освободительного движения. Как следствие, он написал книгу, треть которой была посвящена украинской повстанческой армии. Ее кратковременная помощь заставила исследователя полностью переосмыслить написанное о Восточной Европы. Позже, эту книгу она перевела на украинский, и организовала серию презентаций в Украине.

Изменения самоидентификаций

Мигрантки артикулируют много наблюдений относительно культурных и повседневных практик итальянцев и украинцев, циркулирующих в транснациональном пространстве. К примеру, они отмечают высокий уровень обслуживания, отсутствие традиций широкого застолья и большого количества алкоголя во время празднований в Италии, простоте итальянской кухни и используют эти различия для объяснения своих пролонгированных миграционных траекторий и невозможности возврата в украинскую социальную реальность. Привыкание к другой повседневности, и моделям жизненного уклада происходит достаточно быстро, даже у респонденток старше 45-ти лет, которые большую часть жизни прожили в совершенно иных социальных традициях. Критическая оценка, способность к распознаванию и освоение новых культурных и бытовых поведенческих режимов является частью процесса общей переоценки ценностей, которая происходит во времени миграции, и которая вызывает полную или частичную “перезагрузку” социального ядра личности украинок.

Аналогичные изменения происходят и в культурном взаимодействии с итальянцами, - не только из-за принятия итальянских культурных кодов, но и через осознание, принятие и продвижение своих национальных культурных традиций⁸.

Переосмысление традиций воспитания, осознанное расширения лингвистических режимов ребенка, рожденного в украинско-итальянском браке, расширение этнических аудиторий - потребителей украинского культурного продукта, популяризация украинской истории, - выразительные транснациональные практики, происходящих вследствие изменений в самоидентификаций мигранток.

Во время миграции, для многих украинок толерантность к разнообразию, инаковости становится основополагающим жизненным принципом, что также обуславливает “перезагрузку” внутреннего и внешнего пространства.

Еще одним существенным измерением изменений социальных самоидентификаций квалифицированных украинок в Италии становится трансформация гендерных представлений, в частности, - о распределении ролей в семье и обществе, а также переоценка личностных качеств итальянских и украинских мужчин. В этом аспекте, одним из ключевых выводов, косвенно присутствующих в нарративах мигранток, касается того, что тождественные национальности не предусматривают культурной и мировоззренческой близости. К примеру, брак с итальянцем представляется многим мигранткам более обоснованным, чем брак с украинцами из-за высокого уровня зрелости, ответственности у итальянцев. Недоразумения между людьми, по их мнению, порождается незнанием базовых правил общения и отсутствием психологического равновесия, а не национально-культурными различиями.

Мигрантки переезжают не только с менее развитой экономически Украины в более развитую Италию, но, также, из страны с устойчивыми патриархальными установками в более эмансипированной общество. В страну, где есть не только возможность большего заработка, но и больше социально легитимных моделей успешности. Миграция украинок - это не только пространственное перемещение, но и временное. Сорокалетняя женщина, которая в Украине - уже почти бабушка (независимо от наличия внуков) вдруг оказывается в обществе, где даже 65 лет считается молодым возрастом для женщины. Инаковость гендерных режимов, в том числе и культура отношения к женщине, независимо

от возраста и национальности, со стороны итальянских мужчин, выступают серьезным фактором для продолжения миграции даже после получения документов, которые, теоретически, позволяют законно вернуться в Украину.

Миграция интенсивно переформатирует религиозные институциональные “локусы” мигранток, и это является отдельной, неисследованной темой, требующей серьезного внимания со стороны ученых. На индивидуальном уровне, значительная часть женщин, которые никогда не ходили в церковь в Украине, начинают это делать именно в Италии. Для многих, в условиях дефицита украинских церквей в начале двухтысячных, теряет значение конфессиональная и национальная принадлежность⁹. Следовательно, в мигрантских средах начинают доминировать экуменические взгляды. В общем, большинство женщин переживает “экуменизацию” собственного “воцерковления”, а их церковные практики становятся менее формализованными.

Выразительной трансформацией в самоидентификациях мигранток являются также изменения в формах национальных самовыражений. Все респондентки из исследуемой группы указывают на обострение чувства украинской принадлежности в Италии, которое активизируется с годами и расширяет сферы самореализации мигранток. Большинство, после достижения определенного социального статуса, создают украинские организации, школы, детские сады, добиваются внесения украинского языка в реестр языков, с которых производится официальный перевод в Италии (еще несколько лет тому в Италии украинско-итальянский перевод официально записывался как русско-итальянский).

Одной из самых интересных характеристик миграционных траекторий украинок является рост их внутренней самооценки при формальном снижении социального статуса, который неизбежно происходит в момент миграции, и часто сохраняется много лет спустя. После того, как женщина получила легализацию, но еще работает в статусе сиделки, ее самооценка значительно повышается, по сравнению с тем временем, когда она работала педагогом или

врачом в Украине. Очевидно, это ощущение самооценки связано с установлением психологического равновесия и удовлетворением многих базовых потребностей, которые долго игнорировались в Украине. Но значительную роль здесь может играть общая социальная атмосфера Италии, где права человека и уважение к ним значительно выше, чем в Украине.

Часть респонденток указывает на потерю эмоциональной связи с семьей, которая осталась в Украине, чувство несинхронности с ее жизненными циклами, однако, это не отменяет регулярных переводов и передач в Украину, совершаемых мигранткой. Большинство украинок оценивают успешность своей миграционной траектории через возможность осуществлять весомую помощь семье (оплата лечения, операции, покупка квартир, машин, ремонты). Другие - создают консультационные и учебные центры для адаптации мигранток из Украины, которые только что приехали в Италию. Мигрантки создают и поддерживают прочные связи с Украиной даже тех случаях, когда это накладывает на них дополнительные трудности на протяжении многих лет.

Выводы

Миграционный проект для женщин с социальными амбициями, независимо от уровня обеспеченности, возраста, сферы деятельности, - это прежде эмансипационный проект. Миграция проявляет и меняет субъектность женщины, ее представления о мире, отношения между людьми, собственные потребности и формы самореализации, радикализирует представления о социальном пространстве вокруг.

Вначале, миграционная траектория не рассматривается как способ решения важных жизненных проблем, то есть не рефлексруется как часть жизненной стратегии, а только как временная поездка на заработки. Основными мотивациями для реализации миграционного проекта в исследуемой группе есть целый комплекс причин: от личного недовольства жизнью, которое усиливается материальными лишениями, утратой карьерного статуса - сокращением, переводом на низшую должность, - до тотальной неспособности обеспечить себя и детей, отсутствия поддержки со стороны партнера, сильным социальным

давлением. Пересечение границы - это также попытка преодолеть социальное унижение, не подчиниться общим правилам общественной жизни в Украине, в которой массово присутствуют взяточничество и коррупция. Среди других причин - сложные отношения с партнером, фактический развод, на который женщина порой не может решиться из-за давления окружения. При этом, экономический фактор играет важную, но не решающую роль.

Реализуя свой выезд, мигрантки вроде пользуются общим “коллективным знанием” о миграции, которым переполнено социальное пространство начала двухтысячных - периода массового выезда украинского в страны ЕС.

Основным фактором успешной интеграции является активное налаживание новых горизонтальных сетей и образование, которое мигрантки начинают приобретать через 1-2 года после своего приезда. Адаптация начинается с работы в низкоквалифицированных сферах, с помощью которой мигрантка оплачивает свое обучение. Позже происходит постепенное изменение типа работы, расширение горизонтов самореализации, среды: респондентка начинает создавать модели помощи другим мигрантам, чаще всего - своим соотечественникам.

Фактором таких изменений является постепенные трансформации самоидентификаций мигранток. Одной из самых выразительных характеристик является расширенное восприятие социального пространства вокруг, изменение ценностей и практик.

Миграционные траектории этой группы женщин имеют постоянный характер. Возвращение в Украину планирует меньшинство женщин и только с наступлением глубокой старости.

Литература

Бредникова, О., & Ткач, О. 2010. Дом для номады. *Laboratorium. Журнал социальных исследований*, (3), 72-95.

Dossier Statistico Immigrazione: Caritas/Migrantes. 22 Rapporto. 2012. Online http://www.caritasitaliana.it/caritasitaliana/allegati/2908/Dossier_immigrazione2012_scheda_sintesi.pdf. Accessed 17 March 2013.

EU Neighborhood Migration Report. 2013. – Ed. by Philippe Fargues. – Online: http://cadmus.eui.eu/bitstream/handle/1814/27394/MPC_NeighMigration.pdf?sequence=5.

External labour migration of the Ukrainian population. State Statistics Committee of Ukraine, Ukrainian Centre for Social Reforms // Ed. by Ella Libanova, 2009. — 118 p. — Online: http://www.kiev-dialogue.org/fileadmin/user_upload/KG_8_2012/Foreign_labor_Migration_of_Ukr.pdf. Accessed 20 September 2013.

Fedyuk, Olena. 2011. Beyond Motherhood: Ukrainian Female Labor Migrants to Italy. Budapest: Central European University. Dissertation manuscript.

Heyse, P. 2011. A life course perspective in the analysis of self-experiences of female migrants in Belgium: the case of Ukrainian and Russian women in Belgium. *Migracijske i etničke teme*, (2), 199-225.

Instituto Nazionale di Statistica (ISTAT) - 2012. - Online <http://www.istat.it/it/archivio/57884>.

IOM Ukraine. The Migration in Ukraine. Facts and Figures. September 2011. Online: <http://www.iom.int/jahia/webdav/shared/shared/mainsite/activities/countries/docs/Ukraine/Migration-in-Ukraine-Facts-and-Figures.pdf>.

Libanova, Ella and Malynovska Olena. 2012. Social Impact of Emigration and Rural-Urban Migration in Central and Eastern Europe. Executive Summary. – Ukraine, April, 2012.

Libanova, E. 2013. (ed.) Report on methodology, organization and results of module sampling research on labour migration in Ukraine/ International Labour Organization.

Lutz, Helma and Palenga-Möllenbeck Ewa. 2012. Care Workers, Care Drain, and Care Chains: Reflections on Care, Migration, and Citizenship. In: *Social Politics*, 19 (1), pp. 15-37

Malynovska, Olena. 2010. Zovnishnia trudova migracija z Ukrainy: dejaki kharakterystyki ta genderni osoblyvosti. *Zhinky i migracija*. (External labour migration from Ukraine: some characteristics and gender features. Women and migration). Za red K. Levchenko - Kharkiv, 2010.

Markov I., priest. Boyko Y., Ivankova-Stetsyuk-Стецюк О., Seleshchuk H. and others (2009). At the Crossroad. Findings of the Complex Research of the Processes of Ukrainian Labour Migration / Ed. I. Markov. – Lviv, 2009. Online: http://www.navigator.net/public/docs/uploaded/n9c25mu-Migracia_03-1.pdf. Accessed 18 February 2013

Markov, Ihor. 2003. Some Features of Modern Ukrainian Labor Migration.

Morokvasic, Marjana. 1983. “Women in migration: beyond the reductionist outlook”. Pp.13-32 in One way ticket: migration and female labour. London: Routledge.

Näre, Lena. 2007. Ukrainian and Polish Domestic Workers in Naples – A Case of East-South Migration, Migration Online: Focus on Central Eastern Europe. Online: http://aa.ecn.cz/img_upload/3bfc4ddc48d13ae0415c78ceae108bf5/LNare_Ukrainiana ndPolishDomesticWorkersinNaplesACaseofEast_1.pdf

Parrenas, Salazar R. 2008. The Force of Domesticity: Filipina Migrants and Globalization. New York: New York University Press.

Pio, E., & Essers, C. 2013. Professional Migrant Women Decentring Otherness: A Transnational Perspective. British Journal of Management.

The World Migration Report 2013: Migrant Well-being and Development. Online: http://publications.iom.int/bookstore/free/WMR2013_EN.pdf

Vianello, Francesca A. 2009. Suspended migrants. Return migration to the Ukraine / F. A. Vianello // Central and Eastern European sociology workshop: «Social inequalities and migration in post-communist societies» – Poznan, 21–22 September 2009, Poland.

Volodko, Viktoria. Vpluv trudovoji migracii na simejni roli suchasnykh ukrainskikh zhinok (z dosvidom roboty u Polshchi ta Grecii) (Impact of the labour migration on the family roles of Ukrainian women (with migration experience in Poland and Greece)– Kyiv National University : Dissertation manuscript. - 2011. – 19 p.

Yarova, Olga. 2006. The Migration of Ukrainian Women to Italy and the Impact on Their Family in Ukraine // Migration Processes in Central and Eastern Europe: Unpacking the Diversity. Multicultural Center Prague. - p. 38-41.

Примечания

¹ Страны Европы и Северной Америки

² По данным второго общенационального исследования трудовой миграции под руководством Эллы Либановой, проведенного в 2005-2008 годах, Италия была второй страной после России по количеству украинских мигрантов (Либанова 2009)

³ Часто употребляемое слово респондентками во многих интервью

⁴ Примечательно, что среди владельцев посреднических фирм, которые трудоустраивали мигрантов в Италии, практически нет украинок. В основном это россиянки, польки, румынки. Особенности организации и

функционирования посреднических центре, их роль в структуре массовой украинской миграции до сих практически не исследована.

⁵ Типичная речевая конструкция из многих интервью

⁶ Ускоренную интеграцию в итальянское общество демонстрируют иногда представители "поколения 1,5" (дети, рожденные в Украине, и привезены в Италию в подростковом возрасте, или после 18 лет), которые не живут на "два мира", и, в основном, связаны с Украиной только ностальгически. Их достижения - это не только следствие обеспеченности, которую им гарантируют матери, мигрировавшие ранее, а, собственно, «одно пространство» жизни - нацеленность на жизнь в одной стране, а не сразу в двух. Говорить об их транснациональных практиках можно весьма условно.

Напротив, у женщин после 50 лет, жительниц малых городов или сел, происходит "консервация" первоначальных целей ("заработать и выслать"). Их жизненные траектории не реализуются в новых формах интеграции. Таким образом они постоянно работают, но, практически, не живут социально и культурно.

⁷ Permesso di soggiorno (итал.) - разрешение на работу и пребывание в Италии

⁸ Классическим примером может быть случай, когда украинка, работающая помощницей известного адвоката Рима, организовала серию мастер-классов по рисованию писанок для судей Рима (интервью с Натальей Ц., Рим, июль 2012). А также - организации масштабных фестивалей украинской культуры - специально для мигрантов из других стран (интервью с Еленой Я., Падова, июль 2012 г.)

⁹ К примеру, во Флоренции до 2002 года существовала только русская православная церковь, прихожанами которой были также все практикующие греко-католики из Западной Украины. После того, как местные власти отдали один из римо-католических храмов в использование Украинской греко-католической церкви, часть мигрантов перешла в новый храм, другие - продолжают ходить в русскую церковь, объясняя это тем, что для них значение имеет вера, а не разница в обрядах.

*Светлана Одинец (Львов, Украина) – младшая научная сотрудница отдела социальной антропологии Института народоведения Национальной академии наук Украины. Научные интересы: современная женская миграция в Италии, изменения социальных самоидентификаций и идентичностей под влиянием миграции, транснациональные мобильности в глобализованном мире. Участница международного проекта *Transnational Migration in Transition: Transformative Characteristics of Temporary Mobility of People (EURA-NET project)*, стипендиатка фонда Карнеги.